

- Кукеев Д. Г. Комментированный перевод 328 цзюани «Мин ши» — «Ойраты» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2008. № 2. С. 24–31.
- Ма Жухэн, Ма Дачжэн. Циндай ды бяньцзын чжэнцэ (Приграничная политика династии Цин). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1994. 508 с.
- Ма Дачжэн. Сулянь шисюэ цзе лиюн Эго данань яньцзю чжунггээр лиши гайшу (Очерк по истории Джунгарии, исследуемой советскими историками с использованием русских архивных материалов) // Чжунггээр ши луньвэньцзи (Сборник статей по истории Джунгарии): в 2-х тт. Синин: Цинхай жэньмин чубаньшэ, 1981. Т. 2. С. 15–30.
- Ма Дачжэн. Элутэ мэngu ши яньцзю цуншу (Обзор исследований по истории ойрат-монголов) // Миньцзю яньцзю дунтай (Ситуация в изучении национальностей: в 2-х тт. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсююань миньцзю яньцзюсо, 1984. Т. 2. 32 с.
- Мэнгусяэ луньвэнь цзыляо соинь (1949–1985) (Указатель статей по монголоведению (1949–1985). Хух-Хото: Нэймэнгу дасюэ чубаньшэ. 1987. 746 с.
- Намсараева С. Б. Институт наместников цинского Китая в Монголии и Тибете в XVIII веке: дис. ... на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. М., 2003. 246 с.
- Хэ Тяньцин. Миндай мэngu ши луныцзи (Очерки по истории Монголии во времена династии Мин). Пекин: Шану иньшугуань, 1984. 480 с.
- Chiba Muneo. Jungaru no Chosho // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 200 p.
- Chiba Muneo. Tenzan ni habataku // Kara buran: Kuroi suna-arashi, 2 vols. Tokyo: Kokushokankokai, 1986. 196 p.
- Miyawaki J. The Nomadic Kingship based on marital alliances: The case of the 17–18th Century Oyrat // Proceedings of 35th Permanent International Altaistic Conference. Taipei, 1982. P. 361–370.
- Perdue P. C. China Marches West: the Qing conquest of Central Eurasia. London: The Belknap press of Harvard University press. 2005. 725 p.
- Wada Sei. Studies on the history of the Far East (Mongolia) by Dr. Wada Sei. Tokyo: Toyo bunko. 1959. 650 p.

УДК 94(470.47)

ББК 63.3 (2)46

ПЕРВЫЕ КОНТАКТЫ КАЛМЫКОВ С ОРГАНАМИ УПРАВЛЕНИЯ И НАСЕЛЕНИЕМ АСТРАХАНИ В НАЧАЛЕ 30-Х ГОДОВ XVII ВЕКА

В. Т. Тенкеев

История Астрахани в XVII столетии тесно связана с историей калмыков, которые появились в степях Северного Прикаспия на рубеже 1620–1630-х гг. Монголо-ойратские войны второй половины XVI и начала XVII в. стали основной причиной исхода большей части ойратов с территории Восточного Алтая в степи Юго-Западной Сибири. Столкнувшись с оборонительной линией Московского государства на сибирском направлении и находясь в условиях затяжного военного противостояния с монголами и казаками, некоторые калмыцкие улусы не смогли обеспечить себя здесь привольными и безопасными кочевьями. Более успешными оказались их действия при продвижении в юго-западном направлении — в степи Эмбо-Яицкого и Волжского бассейнов. На этих путях калмыки инициируют контакты с крупнейшим торговым и опорным пунктом России в Северном Прикаспии — Астраханью.

Осенью 1630 г. улусы Хо-Урлюка перекочевали на зимовку с территории сибирских городов в Приаральские Каракумы и далее на Эмбу. Здесь они вошли в тесный контакт с алтыульскими татарами мирзы

Салтаная, предложившего им свои услуги для совместного набега на ногайские улусы под Астраханью [Богоявленский 1939: 67]. Салтанай оставался непримиримым противником астраханских властей и «промоковски» настроенных ногайских мирз, а появление калмыков на Эмбе стало для него еще одной возможностью навредить своим врагам. По мнению В. П. Санчирова, междуречье Эмбы и Яика служило своего рода плацдармом для продвижения калмыков к берегам Волги [Санчиров 2008: 12].

Поскольку отряд был небольшой и действовал двумя группами, при подготовке, видимо, упор делался на фактор внезапности, и алтыульцы в конечном итоге смогли незаметно в обход застав провести калмыков к окрестностям Астрахани. 27 декабря 1630 г. (по новому стилю — 6 января 1631 г.) ногайские улусы были атакованы калмыками. Наибольшие людские и материальные потери понесли улусы князя Каная, Кара-Кельмаммет Урмаметева и мирз Алея и Шейдяка [Новосельский 1948: 227; РГАДА. Ф. 127 (Ногайские дела). Оп. 1. 1631 г. Д. 3. Л. 11–12]. Калмыки так же неожиданно скрылись, как и появились. Стрелецкий го-

лова Иван Болтин с отрядом из стрельцов и ногаев в двух днях пути от Астрахани сумел настигнуть калмыков в урочище Саразман, где бился с ними целый день, в результате чего отбил только часть захваченного скота и пленных. В ходе боя стрельцы захватили в плен трех калмыков, сообщивших на допросе, что набег совершили улусные люди Хо-Урлюка. Но даже этот небольшой военный успех не смог исправить положения. Ногайские мирзы открыто признались астраханским воеводам, что против калмыков они бессильны, и просили воевод срочно отправить к калмыкам посланцев с требованием не нападать на их улусы и вернуть полон [Богоявленский 1939: 67; Новосельский 1948: 224].

Очередной калмыцкий набег вызвал панику среди ногаев и татар. Масса ногайских семей начала срочно переправляться на «крымскую сторону» Волги. Несмотря на попытки астраханских воевод вернуть к городу ушедших ногаев, Канай-мирза и Янмамет-мирза упрекнули власти за недостаточное обеспечение безопасности своих улусов. Возле Астрахани оставались в основном только юртовские татары и едисаны, жившие под охраной астраханского гарнизона. В тот же момент из Астрахани срочно была отправлена грамота Хо-Урлюку, где сообщалось, что подобные действия против царских подданных и дружба с изменниками (алтыульцами) не допустимы. Но протест остался без ответа [Богоявленский 1939: 67; Новосельский 1948: 224].

В мае 1631 г. к ногайским мирзам Хо-Урлюк прислал своих послов Хара-Мергена и Мейдалу. Тайша предложил мирзам приехать к нему для выкупа своих людей. Астраханский воевода князь Ф. С. Куракин отправил к Хо-Урлюку посланцев с напоминанием о том, что ногаи являются подданными Русского государства и нападать на них нельзя. Он требовал от калмыков немедленно отпустить пленных в Астрахань без всяких условий, а самим отойти за Яик и Эмбу. Посланцы прибыли первоначально в улус Дайчина на Эмбе, а затем отправились в улус его отца Хо-Урлюка, находившийся в 5 днях от Ургенча. Выяснилось, что в последнем набеге на астраханских ногаев участвовали люди Дайчина, получив одобрение его отца. Тайши признались в содеянном, сказав, что поступили так, «не ведая» о том, что ногаи «холопи твоего царского величества». Четверо дней у тайшей проходил

съезд, на котором они договорились и решили вернуть ногайский ясырь в Астрахань [РГАДА. Ф. 119 (Калмыцкие дела). Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 1–9].

В августе калмыцкие послы прибыли в Астрахань от тайшей без писем, объясняя это тем, что «они кочевные люди, грамоте никакой не умеют» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 10]. Астраханцы обратились через них к тайшам с просьбой не трогать на контролируемой калмыками территории купеческие караваны, направляющиеся сухопутным маршрутом из Бухары и Ургенча в русские города и обратно. Тайши через послов обещали вернуть захваченных в плен ногаев и впредь на них войной не ходить [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 14]. Хара-Мерген 12 (22) сентября 1631 г. принес шерть. Приведем полный текст шерти, поскольку он еще не публиковался исследователями:

Урлюк тайше да сыну ево Дайчи тайше и Урлюк тайшиным братьям и детям и племянником и улусным калмыцким людям тебе великому государю, царю и великому князю Михаилу Федоровичу Всея Руси самодержцу и твоим царским детям служить и прямить и во всем добра хотети и быть под твоею царскою рукою в холопстве во веки неотступным. И кочевать им, где ты великий государь укажешь. И твоих государевых русских людей нигде ни в которых местах не побивать, и на нагайские улусы, которые кочуют твоего царского величества у отчины Астрахань или в иных местах учнут кочевать под твоею царскою высокою рукою, войною не приходить и не побивать, и не грабить, и в полон не имати, и у себя не держать, и ни в которые государства не продовати.

От твоей царские высокие руки Урлюк тайше з братею и з детьми и м племянники не отступить, и тебе, великому государю, не изменити. В Крым и в Казыев улус, и в Азов, и в горские черкасы, и в Юргенч, и в Бухары, и в Казачью орду, и в иные ни в которые государства, и за Яик, и на Эмбу к алтыульским мурзам не отъехати. И с твоими государевыми непослушники и с изменники ни с кем ни о чем не ссылатца.

А как торговые люди из Бухар или из Юргенч пойдут с товары с своими в твою государеву отчину в Астрахань и к Караганской бусной пристан, и им их не побивать и не громити, а от сторонних воинских людей оберегати и дорогу очистить по своей

вере и утверждению [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 15–18].

Послам зачитали текст шерти, и они дали клятву по своей вере: «секли сабаку жолтую да прошли меж сабли и пищали, и ножовое острие лизали» [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 18]. Послам вернули ранее захваченных пленных калмыков и выдали жалованье. Обратно в улусы с ними отправили боярского сына Гаврилу Русакова и толмача Кузьму Артемьева [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1640 г. Д. 3. Л. 22].

Но, как показали дальнейшие события, в действительности это было всего лишь дипломатическим прикрытием истинных намерений тайшей. Калмыки продолжали наносить удар за ударом по ногайским улусам, которые все чаще откатывались за Волгу. Московское правительство, понимая, что уход ногаев лишит пограничные уезды необходимого заслона от агрессивных соседей, всячески пыталось вернуть их на левобережье Волги. В преддверии надвигавшейся войны с Речью Посполитой Москва также не была заинтересована в увеличении численности войск Малого Ногай и Крымского ханства за счет ушедших кочевников из Большой орды, поэтому астраханские воеводы делали все от них зависящее, чтобы вернуть ногаев под Астрахань.

В начале апреля 1633 г. около 1 800 калмыков неожиданно появились на реке Камыш-Самара и двинулись на ногайские улусы с северо-востока. Примерно 13 (23) апреля улусы князя Каная и мирз Урусовых, кочевавших в урочище Тепкире, подверглись нападению, и часть их была захвачена. Для преследования калмыков в Астрахани был сформирован отряд под командованием Ивана Аристова. Несмотря на тяжелые условия ночной погони, 22 апреля (2 мая) астраханцы нагнали калмыков на реке Большая Узень. Перед боем тайши попытались договориться о мире и прислали в лагерь астраханцев алтыульского татарина. Но парламентар был убит, что и стало сигналом к началу боя [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 106, 112, 139].

Это было первым значительным военным столкновением русских с калмыками в Северном Прикаспии. Число калмыков доходило до 5 тыс. человек, астраханцев было почти вдвое меньше. Местность была открытая, но более успешно ее ландшафт использовали калмыки, чему способствовал сильный восточный ветер. Лишь с на-

ступлением ночи сражение прекратилось: астраханцы сумели отбить все атаки калмыков, которые, расставив вокруг русского лагеря заставы, отошли на предельное расстояние. Утром стрельцы обнаружили, что полностью окружены калмыками [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 108–109, 116–118].

Считая продолжение борьбы при таких условиях бесполезной потерей своих людей и не желая напрасно гибнуть из-за татар и ногаев, стрелецкий голова А. Шушерин вступил с тайшами в переговоры. Тайши охотно пошли на встречу и заверили, что «им до государевых ратных воинских людей дела нет, и с ними биться не хотят, а приходили де войной на улусы по досаде на князя Каная и мурз» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 110, 118]. По заключенному соглашению тайши обязались возвратить без выкупа 900 человек ногайского ясыря, а стрелецкие головы поклялись впредь не препятствовать тем ногаям, кто пожелает добровольно кочевать с калмыками. На этих условиях обе стороны присягнули по своей вере. Мирзы также шертовали на Коране в том, что они со своими улусами будут кочевать с калмыками. Позже они привели под Астрахань захваченный калмыками ясырь численностью в 1 052 человека [Богоявленский 1939: 69; Новосельский 1948: 226].

Бой на Узени, по мнению С. К. Богоявленского, не мог не умалить престиж русской власти и поднять славу калмыцкого оружия, а Дайчин, который и раньше невысоко оценивал силу астраханского гарнизона, теперь стал считать себя хозяином приволжских степей [Богоявленский 1939: 69]. И хотя по возвращении в Астрахань стрелецкие командиры не осмелились признать воеводам в заключении невыгодного договора с тайшами, но таким образом в русско-калмыцких отношениях был создан подобный прецедент.

В мае в Астрахани прошел слух о поездке к Дайчину Борис-мирзы Янарасланова, который, якобы, дал шерть, что присоединится к тайше, и поэтому имеет возможность выкупить у калмыков свой же ясырь «дешевой ценой». Дайчин в последующем предложил ногайским мирзам, «чтоб они с ними [с калмыками — В. Т.] помирились и были с ними в миру и в дружбе, кочевали по своим старым кочевным местам, где их нагайских и едисанских мурз отцы и деды по Узени и по Камыш Самаре кочевали» [РГА-

ДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 95–96, 144]. Позже в Астрахани Борис-мирза всячески отрицал подобные слухи [Новосельский 1948: 226].

Таким образом, торгутские тайши начали не только планомерное освоение нового для себя региона, но присоединение к своим владениям подданных из числа ногаев. Этот факт опровергает устоявшееся в историографии мнение о намеренном вытеснении калмыками ногаев с их исконной территории. Захваченный в набегах ногайский «полон» тайши в основном продавали обратно приезжавшим в калмыцкие улусы астраханским мирзам, что служило определенной формой их зависимости от тайшей. Дайчин всячески подчеркивал на переговорах с царскими представителями главенство своего отца над всеми торгутами, а себя называл его преемником: «Урлюк тайша славен во всех ордах, а отец де ево, Урлюк тайша, в их землях царь, да и он де Дайчин тайша вскоре учинитца царь же» [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1633 г. Д. 1. Л. 144].

Одним из немногих, кто всячески противился усилению власти калмыков в регионе, оставался ногайский князь Канай. В мае 1633 г. он предложил московским властям проект по созданию коалиции и просил незамедлительно отдать приказ волжским и сибирским воеводам, а также башкирским мирзам и тайшам «дальних калмыков» одновременно ударить по улусам Хо-Урлюка и его сыновей. У Каная была информация о планировании Дайчином и Салтанаем нового набега под Астрахань уже ближайшей осенью [Богоявленский 1939: 68]. В ноябре из Москвы в Тюмень, действительно, пришла инструкция об отправке военного отряда против Хо-Урлюка, Дайчина, Лузана и Салтаная. Поводом послужила отписка в центр астраханского воеводы Ивана Салтыкова о тяжелом положении его гарнизона и невозможности защитить подвластных ему ногаев и татар. Астраханскому воеводе оставалось только обнадеживать Каная, что правительство обязательно предпримет все меры и по торгутским улусам будет нанесен удар воинскими силами из всех сибирских городов [Миллер 2000: 475–476].

Очевидно, что успешные действия калмыков в Северном Прикаспии заставили даже непримиримых ногайских феодалов задуматься о смысле дальнейшего сопротивления тайшам. Они видели неспособность русских властей их защитить по причине

наличия более чем скромных военных сил у астраханского гарнизона. Бегство на правобережье Волги также не являлось для них выходом из ситуации, поскольку тайши не планировали ограничиваться только волжскими рубежами в своем продвижении на запад, да и с Малым Ногаем у астраханских мирз существовали натянутые отношения. Канай даже отослал обратно небольшой отряд стрельцов, размещенный в его улусе для защиты его от калмыков. Однако другие мирзы продолжали усиленно просить о присылке стрельцов для своей защиты [Богоявленский 1939: 68].

По слухам, дошедшим до астраханских воевод, Дайчин очень образно подчеркивал контраст между военной мощью калмыков и слабостью астраханского гарнизона: «Такие де у них, калмыков, люди есть, что, пришед под Астрахань среди лета, и заметут ее снегом» [цит. по: Богоявленский 1939: 68]. С. К. Богоявленский утверждал, что Дайчин дальнейшие отношения представлял себе как военный союз калмыков, татар и русских [Богоявленский 1939: 69]. Но ногаев и татар тайша рассматривал не как равноправных союзников, а как предполагаемых своих подданных, которые во многом могли увеличить численность его войска. Свое политическое видение относительно их будущего Дайчин пытался навязать и русским властям, противившимся развитию подобного сценария.

Дайчин продолжал твердо держаться своей позиции относительно заключенных «узенских» соглашений. Повсюду в междуречье Яика и Волги действовали его разведывательные отряды в поисках еще неприсоединившихся ногайских улусов. Зачастую эти отряды вступали в вооруженные стычки со стрелецкой разведкой, пытавшейся также выяснить обстановку в междуречье и не допустить ухода ногаев и татар к калмыкам. 9 (19) января 1634 г. калмыки совершили новый погром ногаев и с большой добычей вернулись за Яик. Канай немедленно отправил к Дайчину двух своих людей с сообщением о разорении калмыками его улуса, что лишило его возможности оставаться под Астраханью. Но отъехать немедленно к калмыкам он также не мог, опасаясь, как он указывал, находившихся всюду и следивших за ним стрелецких застав. Эти события послужили последним толчком, который вынудил ногайские улусы больше не оставаться у Астрахани. По мнению В. В. Тре-

павлова, фактически с этого времени государственная территория была утрачена ногаями, а левый берег Волги, именовавшийся «ногайская сторона», они сами стали называть «калмыцкой стороной» [Трепавлов 2002: 407].

Однако столкновения с калмыками были не единственной причиной откочевки ногаев из-под Астрахани. Мирзы вспомнили все обиды, перенесенные ими от представителей царской власти: разные должностные лица, прибывавшие в улусы из Астрахани, отнимали у татар лошадей и скот, а многие мирзы находились на Аманатном дворе в качестве заложников и т. п. [Новосельский 1948: 227]. Ногайские мирзы объясняли свои действия тем, что подобная политика местных царских чиновников просто вынуждала их бежать к калмыкам. Появление калмыков долгое время преподносилось в исторической литературе как единственная причина ухода ногаев с Волги. Однако В. В. Трепавлов отмечает, что подобная односторонняя информация о ногаях поступала от астраханских наместников, а те были заинтересованы в том, чтобы подчеркивать калмыцкую первопричину ногайской миграции в 1634 г., что впоследствии и утвердилось в исторической литературе [Трепавлов 2002: 408].

В конце 1633 и начале 1634 гг. ногаи начали уходить из-под Астрахани. Одна их часть ушла к калмыкам, другая — на запад. Правительство начало искать виновных: стрелецких командиров арестовали, воевод и дьяков сместили, а других вызвали в столицу для объяснений. Однако ногаи в большинстве своем, не веря гарантиям государственной защиты, не желали возвращаться назад [Трепавлов 2002: 409]. Чтобы сдержать ногайскую миграцию, местные власти начинают прибегать к более жестким мерам. В Астрахани насильно удерживались в заложниках ногайские владельцы: князь Канай сидел в «калмыцком деле» за то, что ссылаясь с калмыками, мирзы Алей Урмаметев и Чубармаммет Тинмамметев — за связи с Крымом, Ак-мирза Байтереков — за попытку уйти в Крым, мирза Борис Янарасланов — за связи с калмыками. Дополнительно были приняты серьезные оборонительные меры вокруг мест обитания остатков едисан и юртовских татар [Новосельский 1948: 228].

Калмыки по существу стали полными хозяевами заволжских степей. В январе 1635 г.

Дайчин во главе 10-тысячного войска вновь появляется под стенами Астрахани. Предварительно тайша вместе с алтыульцами охотился за сайгаками в Карадуванских песках и уже с урочища Кигач направился в сторону Астрахани. Получив полную информацию о расположении едисанских улусов и поставив лагерь за рекой Бузан, Дайчин для угона скота и захвата ясыря отправил отряды «загонщиков» в морские косы, где едисаны чувствовали себя со своими стадами в относительной безопасности. С астраханского направления их прикрывал 4-тысячный отборный калмыцкий отряд [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 10–11].

Оборону Астрахани возглавили Афанасий Аристов и Савва Горохов. В срочном порядке против калмыков были отправлены конные сотни молодых дворян, стрельцов и татар, которые так и не решились вступить в бой с более многочисленным противником. В Астрахани срочно был сформирован обоз из телег, верблюдов и быков, дополнительно были выделены отряд пеших стрельцов и 6 пушек. Выставив обоз против основных сил калмыков, астраханцы не спешили переходить к активным действиям. Дайчин спокойно стоял от обоза в двух верстах и наблюдал за русским отрядом. Когда тайша со своими основными силами направился к Бузану, астраханский обоз в виде тележного городка начал также постепенно перемещаться вслед за калмыками. Затем Дайчин перешел на учуг Камызяк, приказав на возвышенности развести большие костры, служившие своего рода маяками для возвращающихся обратно калмыцких «загонщиков» с захваченными трофеями. Скот и ясырь Дайчин велел направить вперед, а сам с войском шел сзади, прикрывая их с тыла. Возвращались калмыки обратно в улусы той же дорогой. Астраханский отряд численностью в 500 человек, державший оборону в тележном городке, просто наблюдал за тем, как калмыки прогоняли мимо них захваченный скот и пленных. Отправив вперед трофеи на Яик, калмыки также организованно и беспрепятственно отступили [Богоявленский 1939: 71; Новосельский 1948: 227; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 1–4, 6–7, 12–13].

Позже в Астрахани началось расследование по «делу» стрелецких командиров, не принявших должных действий во время последнего калмыцкого набега. Выяснилось, что только командир А. Тарбеев пытался

активно переломить ситуацию и, собрав добровольцев, совершил вооруженную вылазку из обоза, навязав бой калмыцкой стороне. Однако во время сражения, когда он отправил человека в обоз за подкреплением, А. Аристов и С. Горохов не вышли к нему на помощь. Последние объясняли впоследствии, что полагали: пусть лучше калмыки побьют татар, зато они сохраняют жизни своим людям [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 15].

Это был очередной удар по политическому престижу астраханских воевод, а в их лице и Московского государства, только недавно потерпевшего поражение в Смоленской войне 1632–1634 гг. Астрахань снова и снова просила у Москвы подкрепление, особенно в виде конных стрельцов, поскольку имеющихся сил было недостаточно для охраны татар и ногаев. Местные воеводы вынуждены были признать свое бессилие перед лицом многочисленных, хорошо вооруженных и организованных кочевников. Эту ситуацию, наводившую на определенные мысли, видели и еще не присоединившиеся к калмыкам ногаи и татары. Москва пригрозила «царской опалой» А. Аристову и С. Горохову за преступное бездействие и потребовала немедленно отправить «добрых» послов к Дайчину, чтобы напомнить ему о прежних шертях, заключенных тайшами в Уфе и сибирских городах [РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 16, 33–34].

Силы Дайчина в Северном Прикаспии увеличивались с каждым днем. Хо-Урлюк, кочевавший в это время за Эмбой и находившийся в военном походе против Ургенча и Хивы, выделил старшему сыну в помощь для проведения последней военной операции под Астраханью дополнительно 3 тыс. воинов [Богоявленский 1939: 71; РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. 1635 г. Д. 1. Л. 13]. Дайчин полностью теперь переключил свое внимание на западный берег Волги, где кочевали еще не подчинившиеся ему ногайские улусы. Калмыцкие тайши благодаря хорошо организованной разведке были достаточно информированы о состоянии дел среди ногаев на правобережье. Пока его послы пред-

лагали мирзам «мир и совет», он усиленно готовил на 1636 г. новую военную экспедицию. Но этот план пришлось ненадолго отложить в связи с резким изменением международной ситуации в Центральной Азии, что было обусловлено наметившейся консолидацией ойратского сообщества на востоке.

В дальнейшем продвижение калмыков в этот район становится все более настойчивым, поскольку здешние степи представлялись весьма удобным местом для кочевков, а главным образом по причине их слабой заселенности. Попытки московского правительства противостоять продвижению калмыков на запад и удержать ногаев на левобережье Волги успеха не имели. Однако, не получив официального разрешения от русских властей, калмыки не могли считать себя здесь полноправными хозяевами, и около четверти века положение их здесь оставалось неопределенным. В начале 30-х гг. XVII в. калмыки так и не смогли окончательно закрепиться в волжском регионе, а кратковременные калмыцкие набеги на астраханских ногаев и татар в 1631, 1633, 1635 гг. можно рассматривать не как приход на Волгу, а лишь эпизодические появления в этих местах, что имело место и ранее. Основной ареал обитания торгутов в тот период все еще находился в районе между Яиком и Приаральскими Каракумами.

Источники

Российский государственный архив древних актов (РГАДА).

Литература

- Богоявленский С. К. Материалы по истории калмыков в первой половине XVII века // Исторические записки. М., 1939. № 5. С. 48–102.
- Миллер Г. Ф. История Сибири: в 3-х тт. Т. II. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 448 с.
- Санчилов В. П. На пути к Волге: ойратские этнополитические объединения 20–30-х гг. XVII в. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Элиста, 2008. № 2. С. 2–23.
- Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М.: Вост. лит., 2002. 752 с.